

УДК 82-312.9

**ПРОБЛЕМА ИНАКОВОСТИ В ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ
Е. ЛУКИНА «КАТАЛИ МЫ ВАШЕ СОЛНЦЕ»**

© Олег Путило, Анна Путило

**THE PROBLEM OF OTHERNESS IN THE SCIENCE FICTION NOVEL
“WE’VE ROLLED YOUR SUN, ALRIGHT” BY E. LUKIN**

Oleg Putilo, Anna Putilo

Based on E. Lukin’s satirical novel “We’ve Rolled Your Sun, Alright”, the paper examines the connection of the problem of otherness with the deconstruction of the unified Slavic community and with the political disintegration of the unified state. The authors analyze its impact on the transformation of Slavic fantasy genre elements. To solve these issues, it is necessary to analyze not only the spatial models that organize the artistic world of the work, but also its individual images.

The division into Nav’, Yav’ and Prav’, traditional for Slavic fantasy, is being reinvented by the author through the Sci-Fi prism: instead of being the other world, Nav’ appears to be a dungeon, inhabited by ordinary people, providing the return of the artificial sun. The opposition “Our”– “Their” is supplemented by the images of the category “Other/Different”, which include those inhabitants of the Berendeyev Kingdom, who have no place in the above-ground world. As a result, the conflict of light and dark elements is leveled, while in classic fantasy it is realized through a horizontal spatial structure.

The novel repeatedly demonstrates the process of both individual characters and entire peoples’ transition from the category of “Our” to the category “Other”. Consequently, a conclusion can be made about the conflict of the Slavic world with its surroundings being replaced with internecine strife between “teplyntsy” and “svolochany”, representing one nation. Thus, the issue of national self-identification, traditional for Slavic fantasy, is replaced with the problem of the uniform state ideological and territorial disintegration, caused by false ethnic and religious separatism.

Keywords: Lukin, Slavic fantasy, satirical novel, space, Other, otherness.

В статье на материале сатирического романа Е. Лукина «Катали мы ваше солнце» рассматривается связь проблемы инаковости с деконструкцией единой славянской общности и с политическим распадом единого государства, анализируется ее влияние на трансформацию жанровых элементов славянского фэнтези. Для решения поставленных вопросов требуется разобрать не только пространственные модели, организующие художественный мир произведения, но и отдельные образы.

Традиционное для славянского фэнтези разделение на Навь, Явь и Правь переосмысливается автором в научно-фантастическом ключе: Навь оказывается не загробным миром, а подземельем, где проживают обычные люди, обеспечивающие возврат искусственного солнышка. Оппозиция «Свой» – «Чужой» дополняется образами категории «Иной / Другой», к которой относятся те обитатели Берендеева царства, которым нет места в мире надземном. Вследствие этого нивелируется и конфликт светлого и темного начал, в классическом фэнтези реализуемый через горизонтальную пространственную структуру.

Многokратная демонстрация в романе процесса перехода как отдельных персонажей, так и целых народов из категории «Свой» в категорию «Иной» позволяет сделать вывод о замене конфликта славянского мира с его окружением на междоусобную рознь «тепльнцев» и «сволочан», представляющих один народ. Так, традиционный для славянского фэнтези вопрос национальной самоидентификации подменяется проблемой идеологического и территориального распада единого государства, продиктованного ложным этническим и религиозным сепаратизмом.

Ключевые слова: Лукин, славянский фэнтези, сатирический роман, пространство, Иной, инаковость.

Роман Евгения Лукина «Катали мы ваше солнце» (1998), несмотря на полное отсутствие в нем магии, критики относят к славянскому фэн-

тези. Популярность этого жанра, в котором авторы создают «образ русского средневековья, используя имена сказочных и былинных героев,

описания национальных славянских, русских одежд, упоминания реальных исторических событий <...>, пытаются воссоздать звучание древнерусского языка» [Криницына, с. 9], связывается с возникшим в конце XX века чувством национальной или общеславянской идентичности, нашедшим свое выражение в том числе и в интересе к языческой культуре. Писатели, творившие и создававшие самобытную разновидность фэнтези, ориентировались на «использование славянских фольклорно-мифологических образов и мотивов, их трансформацию, обыгрывание и переосмысление» [Барашкова, с. 7]. Однако Лукин предпочитает высмеивать жанровые штампы, в частности за счет самобытной «берендейской лексики», использования особого сказового стиля с многочисленными уменьшительно-ласкательными формами, подражанием манере повествования древнерусского сказителя:

Запахло смутой. Храбры нахмурились, сдвинулись поплотнее вокруг боярина, подергали на всякий случай сабельки в ножнах – вдруг примерзли? Трепетали огоньки в склянницах греческих ламп, трещали запрещенные смоляные свечки. До смуты, однако, не дошло [Лукин, с. 19].

Переосмысливаются и другие элементы, в частности пространственная модель, в которой также отражается сатирическое содержание романа, связанное с рассмотрением проблемы инаковости и ее влиянием на деконструкцию единой славянской общности. В мифологической разновидности славянского фэнтези основополагающей чертой является трехуровневая вертикальная структура вымышленного мира, выстроенная в соответствии с неязыческими представлениями, предполагавшими разделение мира на Навь, Явь и Правь:

Вот перед вами все три мира – Явь, Правь и Навь, – сказал князь. – В Яви живем мы с вами. В Прави обитают боги и вообще высшее начальство. Навь, или Навье Царство, находится у нас под ногами и населена умрунами [Успенский].

Мир Яви, в котором обитают живые существа, – мир физический, материальный. Навь же представляет собой «тонкий мир», мир духов и мертвецов, воплощение образа Чужого, подземный мир, что остается для людей «чужим», враждебным пространством. Похожим образом организовано пространство и у Лукина:

Миров у нас всего сколько?.. Три. Верхний – Правь... – Шумок воздел мохнатые рукавицы к небу. – Средний – Явь... – Тут он почему-то указал на кружало. – И нижний – Навь [Лукин, с. 30].

Такое сходство позволило многим критикам провести параллели между романом Лукина и циклом Успенского о Жихаре.

Если Успенский в соответствии с родноверческими традициями противопоставляет «свое» пространство Яви «чужому» пространству Нави, то у Лукина Навь оказывается не загробным миром, а подземельем, населенным обычными людьми, которые обеспечивают возврат искусственного солнышка на стартовую позицию. Первоначальное отношение героя к Нави исполнено страха, поэтому появление чумазого «выходца из преисподней» пугает Кудыку так же, как и остальных берендеев. Представление об обитателях Навьего царства отражает классическое восприятие образа «Чужого», сохраняющего «все основные категориальные приметы „чуждости“, такие как акцентирование нечеловеческой природы, логики, языка и этики» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 112]. При этом подземные жители не считаются врагами, так как «в конструкциях „чужого“ насилие имеет дополнительный или частный характер (что может иногда выражаться как комическое или неадекватное применение насилия), тогда как в образах врага тема насилия становится одной из главных» [Гудков, с. 15], это отношение подчеркивает факт комичного метания кочерги, в результате которого были разогнаны две могучие рати теплынцева и сволочан.

Классическую для фэнтези оппозицию «Свой» – «Чужой» Лукин дополняет образами, которые можно отнести к категории «Иной / Другой». В истории Кудыки и его жены прослеживается концепция последовательных переходов из категории «Своего» в «Чужого», в «Иного» и снова в «Своего». «Свое» и «чужое» пространства в духе постмодернистской эстетики инвертируются – «свой» мир Яви становится враждебным для главного героя:

– Сто-ой!..

– Держи, лови!..

Шлепнулся с перелетом, закрутился на скользкой обочине вдогонку брошенный кол...

Ножки, ножки! Уносите головушку!.. Кудыка так и не уразумел, улепетывая, с чего это вдруг обиделись на него слобожане. Не за часы же, в самом-то деле!.. В одном он был твердо уверен: поймают – будет плохо [Лукин, с. 88–89].

Размахивающая дрекольем толпа односельчан преследует Кудыку, который только в «чужой» Нави обретает и призвание, и новый дом –

<...> светлую чистую горницу: стены, обитые красной кожей, скамьи под шелковыми покрывальцами с суконным подбоем... [Там же, с. 312].

Оказавшись в Навьем царстве, Кудыка узнает, что местные обитатели, изгнанные из верхнего мира по разным причинам, являются носителями сакральной тайны об истинном устройстве мира. В нижнем мире собрались представители интеллигенции, не чурающиеся пользоваться научно-техническими достижениями, по отношению к непосвященным берендеям они являются Другими и живут по другим законам. С ними вынуждены считаться и князья, и волхвы, ведь «навыи души» обеспечивают их нормальную, привычную жизнь. Здесь талантливому человеку, владеющему критическим мышлением, вне зависимости от его происхождения открыт карьерный путь вплоть до должности розмысла и права на комфортное проживание в Навьих Кушах. Поэтому Кудыка только в мире подземном находит свое истинное предназначение: именно здесь его изобретательный ум в конечном счете позволяет прийти до должности главного наладчика, отвечающего за запуск искусственного светила – «чужое» пространство подменной Нави интeриоризируется героем, а ее обитатели становятся для него Своими.

Ирония заключается в том, что идеальный мир, лишенный социальных и политических предрассудков, находится в преисподней – нижнем мире, ассоциирующемся у берендеев с грехом и злом. Обращение к науке нарушает традиционную мораль, предполагающую строгую иерархию общества и следование бытовым стереотипам: так, обладание обычными часами становится преступлением, ибо позволяет человеку заметить нарушения в расписании «работы» искусственного солнышка:

Сильно озадаченный сновидением, Кудыка проснулся и обнаружил, что слюда в косящатом оконце давно уже тлеет розовым. Уставился на исправно поскрипывающий снарядец. Ремень размотался едва наполовину. По всему выходило, что эта ночь была, по меньшей мере, вдвое короче обычной и втрое короче предыдущей. Вот и горница еще не выстыла, как следует... [Там же, с. 45].

Сложившиеся моральные принципы поддерживаются не только князьями да боярами, но и представителями прогрессивной (подземной) части Берендеевского царства, которым удобно и выгодно скрывать от обывателей правду. Так, в романе поднимается серьезная проблема доступности истинного знания об устройстве мира, которым владеют только избранные представители

народа: высшее сословие, духовенство и интеллигенция.

Особенностью романа Е. Лукина является совмещение двух пространственных моделей. Помимо вертикального разделения на Навь, Явь и Правь, пространство организуется и в рамках горизонтальной структуры, где важную роль играют четыре стороны света и разделение топосов на центральные и периферийные. В центре обычно располагается «родная главному герою плодородная земля, населенная дружескими славянскими племенами. Здесь герою сопутствует удача, его хранят языческие боги» [Криницына, с. 8]. Она окружена со всех сторон территориями наций-соперников: викинги-норманы на севере, угры, поляки, немцы-тевтоны на западе, Хазарский каганат на востоке, кочевые народы Дикого Поля и Византия на юге, – «таким образом, „свое“ пространство окружено „чужим“, инородным пространством» [Гусарова, с. 14]. При этом традиционная («толкиеновская») фэнтезийная семантика сторон света переосмысливается в соответствии с русским национальным мифом: Восток и Юг в целом сохраняют свои отрицательные коннотации, представляя как территории, «поглощенные злом», однако к ним присоединяются Запад и Север, переставшие ассоциироваться с «источником всего доброго, источником света» [Бреева, Хабибуллина, 2009, с. 364]. Герои славянского фэнтези вынуждены обходиться своими силами в борьбе с многочисленными опасностями, угрожающими им со всех направлений.

На первый взгляд, Лукин вслед за классиками славянского фэнтези описывает «ситуацию аксиологического противостояния славянского и окружающего миров, что оказывается косвенным воплощением традиционной для этой версии национального мифа модели „свой – чужой“» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 63]. Обитатели Берендеева царства выражают недоверие к иноплеменникам, которые воспринимаются ими как Чужие:

А знаешь, почему греков греками зовут? <...> Грешные потому что!.. [Лукин, с. 10].

Простые сволочане и теплынды мало осведомлены об истинном положении дел за границей: они не знают о технологическом превосходстве своих соседей, умеющих изготовить и искусственное солнышко, и кидало для его запуска, – этим объясняется надменное отношение берендеев к грекам, которые предстают в их глазах опасными и непонятными. В соответствии с традициями жанра мы наблюдаем негативную сте-

реотипизацию «образа ромеев», «обращение к стереотипу хитрого грека» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 139], однако в итоге ни варяги, ни греки не моделируются через «идеологему врага» и не репрезентируют «рваншистской стратегии славянского фэнтези» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 11]. Причиной тому является позиция правителей Берендеева царства, которые не поощряют контакты с заграницей, чтобы скрыть от своих граждан истинный уровень развития собственного государства (можно считать это своеобразной аллюзией на отношения Советского Союза с западными странами).

Для Лукина важнее изобразить не конфликт с традиционными врагами славян, а междоусобицу теплынецов и сволочан, представляющих один народ, из которого искусственным путем пытаются сформировать две нации. Первоначальное отношение их друг к другу уже основывается на восприятии своих соседей как Других:

Не любили теплынды сволочан. Да и те их тоже... Так уж издавна повелось, что одни промышляли хлебопашеством, а другие ремеслами и торговлей. Много обид накопилось, много... [Лукин, с. 23].

Уже на этом этапе в речи героев прослеживается противопоставление «Мы» – «Они»:

Это, видать, сволочане нагрешили – с них станется! А мы-то теплынды!.. [Там же, с. 17].

Из-за слабости центральной власти ощущение общего «Мы» уходит на задний план, соседские отношения, воплощавшие не угрозу, но здоровое соперничество, перерождаются в агрессию:

Крепко всыпали сволочанам. Взяли больных в сусалы да под микитки, отмочалили им бока, перемножили скулы, положили всех лоском, угостили приворотным зельем – чем ворота запирают. Санки поизломали, золу развеяли... Словом, так отвели душеньку, что и беда – не беда [Там же, с. 56].

Для теплынецов сволочане начинают идентифицироваться «в образах захватчика, агрессора или силы, разрушающей сложившийся, привычный уклад» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 110], нам демонстрируется «процесс „отчуждения“ Другого, „прорастания“ внутри него примет Чужого» [Там же, с. 109]. Когда-то «свой» сволочане приравниваются к нациям-соперникам:

Все вокруг выродки, а мы с тобой, Кудыка, – берендеи, – проникновенно внушал десятник. – Сволочане тоже выродки, не лучше варягов... А настоящие берендеи – одни теплынды... [Лукин, с. 220].

На этом фоне уже не до конфликта с настоящими иноплемениками, греками или варягами, чьи представители принимают деятельное участие в качестве союзников теплынецов и сволочан соответственно.

Усиливает этот конфликт и ряд второстепенных персонажей, самостоятельно определивших себя в категорию «Иной». Так, одним из приемов разворачивающейся перед читателем политической сатиры над историческим процессом в целом и его описанием в частности становится история летописца, который живет посередине Сволочь-реки, в географическом центре Берендеева царства, на острове между сволочанским и теплыньским берегами. Он не причисляет себя к какой-то конкретной стороне, но внимательно следит за происходящими событиями, действуя по указке представителей власти, он всегда готов переписать историю в пользу победителя:

– На излете светлых дней своих узрел государь в небе грозное знамение, усобицы предвещавшее. Удрученный, взшел он в свою опочивальню, и се отлетела душа его в Правь. На радость... – Тут летописца прошибла испарина. Снова сличил расстояние до теплыньского и до сволочанского берегов, поджал губы, клюнул пером в чернильницу и решительно закончил: – На радость тем, коим предстоящая смута была на выгоду [Там же, с. 252].

Лукин ставит под сомнение не только истинность исторических документов, но и профессионализм средств массовой информации, отражающих текущее положение дел. В образе Шумка автор высмеивает образ либерального СМИ. Данный персонаж сознательно заявляет о своем оппозиционном отношении к существующему политическому строю, даже когда согласен с действием властей:

– Погодите, все там будем!.. – изгалялся Шумок, принимая зыбкими словами до хребта.

– Вот взденет царь-батюшка очки греческие да напишет еще один указ... Отец он родной, только, вишь, не своим детям!.. [Там же, с. 154].

Теплынды готовы воспринимать его как информативный источник, но с подозрением относятся к его словам. При этом сам Шумок, обладающий говорящим именем, не получает из своей шумной, но неопасной деятельности никакой видимой выгоды и «награждается» одними побоями:

Убивали Шумка долго и сердито – в три кола. Поначалу он еще катался по растоптанному снегу, все норовил отползти. Потом устал, закрыл голову мох-

натыми рукавицами и обмер, при каждом новом ударе дергаясь и ухая нутром. А там и вовсе умолк [Там же, с. 30–31].

Проблема инаковости выражается на разных уровнях: она реализуется и в сатирическом переосмыслении жанровых элементов славянского фэнтези, отражающем проблему политического распада единого государства. Если в классических образчиках жанра вертикальная структурная организация пространства передает конфликт Добра и Зла, характерный для любого фэнтези, в котором провозглашаются «традиционные нравственные ценности: вера в Добро, ценность человеческой жизни, неприятие несправедливости, милосердие и т. д.» [Сафрон, с. 12–13], то в романе Лукина конфликт светлого и темного начал нивелирован. Разрушается и обычная для традиционного фэнтези бинарная оппозиция «свой» – «чужой» в первую очередь за счет появления дополнительных переходных образов, героев, кого можно отнести к категории «Иных», не представляющих угрозы, но отрицающих принадлежность к «Своим».

Замена конфликта славянского мира с его окружением враждебно настроенными цивилизациями: скандинавской, греческой, западной, кочевой – на междоусобную рознь между теплынями и сволочанами переворачивает традиционный для славянского фэнтези «дискурс национальной самоидентификации» [Криницына, с. 6], демонстрирует процесс перехода из категории «Свой» в категорию «Иной». Перед читателем предстает не изображение славянского единства, выраженное в «идеальном мифологическом моделировании» [Там же, с. 9], а процесс распада, разложения единого славянского государства, соотносимый с реальными историческими событиями того времени. Категория «Мы» так и не раскрывается в романе, подчеркивая идею разобщения единого народа в период всеобщей перестройки.

Общемировое единство греков, варягов, славян, когда-то совместно запустевших искусственное солнце, перерастает в сецессию, образование национальных государств, которые, в свою очередь, разделяются на еще более мелкие образования. Каждая суверенная страна обладает собственным солнышком, которое согревает только ее территорию, однако запас прочности системы уменьшается: в конце романа теплыни вынуждены катать светило за одну ночь, а отсутствие запасного металлического шара повышает цену ошибки в расчетах до критической. Новые условия приведут к ухудшению климата, похолоданию, образованию новой Черной Сумеречи,

места, не освещаемого солнцем, что еще сильнее подчеркивает популярную в фэнтези идею «деградации человечества от „золотого“ века к „железному“», которая «свободно сочетается с наличием исторического, а иногда и легендарного развертывания истории мира» [Бреева, Хабибуллина, 2016, с. 59]. Проблема идеологического и территориального распада единого государства, продиктованного ложным этническим и религиозным сепаратизмом, позднее найдет свое подлинное воплощение в антиутопических романах и повестях «Баклужинского цикла».

Список литературы

Барашикова А. В. Славянская фэнтези: образно-мотивный ряд (на материале произведений М. В. Семеновой): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Иваново, 2010. 23 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези. М.: Флинта: Наука, 2016. 184 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: изд-во ТГГПУ, 2009. 612 с.

Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.

Гусарова А. Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009. 22 с.

Криницына О. П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Пермь, 2011. 23 с.

Лукин Е. Катали мы ваше солнце. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. 315 с.

Сафрон Е. А. «Славянская» фэнтези: фольклорно-мифологические аспекты семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Петрозаводск, 2012. 22 с.

Успенский М. Там, где нас нет. URL: <https://e-libra.ru/read/248325-tam-gde-nas-net.html#1559801736> (дата обращения: 27.03.2019).

References

Barashkova, A. V. (2010). *Slavianskaia fentezi: obrazno-motivnyi riad (na materiale proizvedenii M.V. Semenovoi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Slavic Fantasy: Imagery and Motif Series (based on the works of M. V. Semyonova): Ph.D. Thesis Abstract]. Ivanovo, 23 p. (In Russian)

Breeva, T. N., Khabibullina, L. F. (2009). *Natsional'nyi mif v russkoi i angliiskoi literature* [National Myth in Russian and English Literature]. 612 p. Kazan', izd-vo TGGPU. (In Russian)

Breeva, T. N., Khabibullina, L. F. (2016). "Russkii mif" v slavianskom fentezi ["Russian Myth" in Slavic Fantasy]. 184 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Gudkov, L. (2005). *Ideologema vraga. "Vragi" kak massovyi sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoi integratsii* [Ideologeme of Enemy. "Enemies" as a Mass Syndrome and a Mechanism of Socio-Cultural Integration]. *Obraz vraga* [Image of Enemy]. Sost. L. Gudkov; red. N. Konradova. pp. 7–79. Moscow, OGI. (In Russian)

Gusarova, A. D. (2009). *Zhanr fentezi v russkoi literature 90-kh gg. dvadtsatogo veka: problemy poetiki : avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [The Fantasy Genre in Russian Literature of the 1990s: Poetics Issues: Ph.D. Thesis Abstract]. Petrozavodsk, 22 p. (In Russian)

Krinityna, O. P. (2011). *Slavianskie fentezi v sovremennom literaturnom protsesse : poetika, transformatsiia, retseptsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Slavic Fantasy in the Modern Literary Process: Po-

etics, Transformation, Reception: Ph.D. Thesis Abstract]. Perm', 23 p. (In Russian)

Lukin, E. (2010). *Katali my vashe solntse* [We've Rolled Your Sun, Alright]. 315 p. Moscow, AST MOSKVA; Vladimir, VKT. (In Russian)

Safron, E. A. (2012). *"Slavianskaia" fentezi : fol'klorno-mifologicheskie aspekty semantiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* ["Slavic" Fantasy: Folklore and Mythological Aspects of Semantics: Ph.D. Thesis Abstract]. Petrozavodsk, 22 p. (In Russian)

Uspenskii, M. (1995). *Tam, gde nas net* [Where There Is No Us]. URL: <https://e-libra.ru/read/248325-tam-gde-nas-net.html#1559801736> (accessed: 27.03.2019). (In Russian)

The article was submitted on 02.05.2019

Поступила в редакцию 02.05.2019

Путило Олег Олегович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
400066, Россия, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
dolenor@rambler.ru

Путило Анна Олеговна,
ассистент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
400066, Россия, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
anna.putilo@yandex.ru

Putilo Oleg Olegovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,

27 Lenin Prospect,
Volgograd, 400066, Russian Federation.
dolenor@rambler.ru

Putilo Anna Olegovna,
Assistant Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,

27 Lenin Prospect,
Volgograd, 400066, Russian Federation.
anna.putilo@yandex.ru